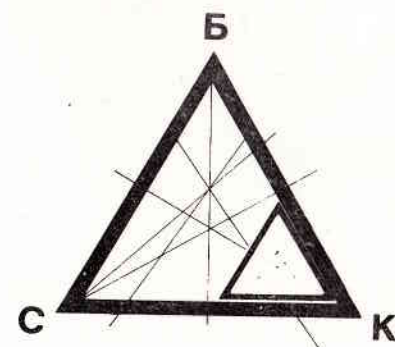

Игорь Терентьев

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several sweeping, interconnected strokes.

ИГОРЬ ТЕРЕНТЬЕВ

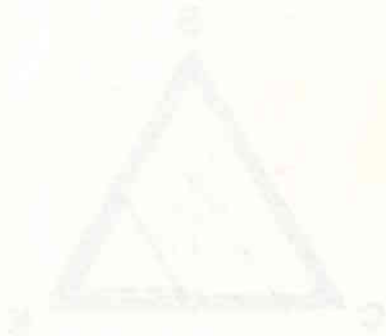
Отпечатано фирмой "ДПЛ-Стиль" для литературно-художественного агентства "Гилея". Макет Вадима Куницкого под общим наблюдением Сергея Кудрявцева. Гарнитура Presquire.

Книга изготовлена в количестве 150 экземпляров. Из них 125 нумерованных (1-125) и 25 именных, в продажу не поступающих.

Экземпляр

Май

Марка серии Вадима Радецкого.

ИГОРЬ ТЕРЕНТЬЕВ

МОИ ПОХОРОНЫ

Стихи. Письма. Следственные показания. Документы

Москва ГИЛЕЯ 1993

Составление и подготовка книги Сергея Кудрявцева

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ

© Состав, вступительные пояснения,
"Краткая летопись", оформление,
"Гилея", 1993.

ISBN 5-85302-016-1

На фронтисписе: автопортрет И. Терентьева. 1937 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга, включающая новые материалы из наследия И. Г. Терентьева и неизвестные архивные сведения о нем, по жанру представляет собой документальный комментарий к важнейшим моментам в его судьбе. Хочу надеяться, что настоящее издание послужит полезным продолжением той работы, начало которой было положено вышедшим в Болонье томом Собрания Сочинений Терентьева.

Я преклоняюсь перед памятью Марцио Марцадури, инициатора итальянского издания, удивительного энтузиаста, вдохновившего меня на поиски неизвестных терентьевских материалов. Приношу свои искренние благодарности дочери И. Терентьева Татьяне Игоревне Терентьевой, давшей мне для работы копии писем и фотографии, и сотрудникам Государственного музея В. В. Маяковского Аиде Петровне Сердитовой и Елене Иосифовне Погорельской, содействовавшим публикации в этой книге стихов и автопортрета Терентьева. Помощь оказали также сотрудники бывшего Центрального архива КГБ СССР и ИЦ ГУВД Мособлисполкома, ознакомившие меня со следственными делами Терентьева. Я искренне признателен Юдит Деболь и Геннадию Айги за ценные советы.

СОДЕРЖАНИЕ

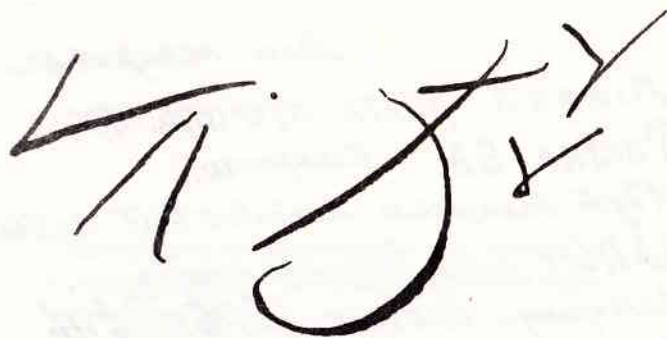
Стихи 1918-19 гг.	9
Мои похороны	11
"Отрашу себе косматый желудок..."	12
"Посадим ржанье на один сорт..."	13
"Я завтра так умоюсь..."	14
"Пока не улпрусь дошатой подошвой..."	15
"Ёкнул намёка..."	16
Письма 1917-22 гг.	19
Следственные показания 1931 г.	33
Документы, касающиеся арестов, заключения и гибели И. Терентьева	41
1931-32 гг.	43
1937г.	48
1959 г.	51
Краткая летопись жизни и деятельности И. Терентьева	53
Книги И. Терентьева	61

СТИХИ

1918-19 гг.

Стихотворения воспроизводятся факсимильно с белого автографа - небольшой рукописной книги стихов, написанной 15 апреля 1937 г. (хранится в Государственном музее В. В. Маяковского, ед. хран. 11197). Здесь публикуется часть книги, в которой помещены стихотворения, датированные самим автором 1919 годом (вслед за стихами он пометил: "ОТЭ (это) собственноручно писано мною в 1919 году в Тифлисе"), но фактически написанные в 1918-19 годах. Все эти стихотворения в несколько отличающихся редакциях напечатаны в книгах Терентьева "Херувимы свистят" и "Факт" (обе - Тифлис, 1919 г.), а также в коллективных сборниках "Фантастический кабачок. Альманах поэтов. N 1" (Тифлис, 1918 г.) и "Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок" (Тифлис, 1919 г.).

Мои похороны
 ЛІАВАЛ РПАТА ПТК ПТК ПТК
 ТИКТКА-БЭ похороны
 ИДУТ ПОМОЗОМ мостовой ПЫТ КАПЫТ
 КАПЫТ полю сдвденныя лошади
 ВЕТОРОКУ · ВЕТОРОКУ БРБНДБНБ
 УСОЛНЦА МУЗИЧЕЛБНТІШНА МІГРРНБ
 ІЗСЕРДУБ ВЛЮДІВІЙ СОЛІТЕР
 ВБІТЕР СУРАІРІЗЕТ КОМЕДІА
 ШУШІАН забинтованная душа
 и нижная орхидея
 АЯ ПОКАВЫ ЖУЕТЕ
 КАМЕННЫЙ УГОЛЬ НА ДУХИЕРДРОП
 Я ИРОЛЕШАЮ ПОГИБШИ В БОЗБ
 ПО ГОЛУБЛЮ ВЗДЮХУ
 НАОБЛАКЪ МОЗГА
 ІЗСАМОЙ НЕІРІНКУЖДЕННОЇ ПОЗБ
 УРРЭТ УРРЭОЛА ФБЯТ ФБЯТ
 СССССС СРБ СРБ СРБ СРБ
 СЕРАФИМЫ СВИСТАТ

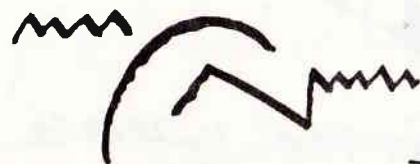
Отращусь себя косматый желудок
Наблю Красна вина и прихоту кирбитом
Проголодаюсь так тито на блюдо
Сам залегу кисленьким обрύτεм

И нагну сосать орбичнок тесемку
Вздумав и воприсматривая за губой
Которую драганы воспалили как сенда
Выйдетом тащут на губой

Перу елемусы панна царича тресни
Кожане промолкаемая бусени

Как и протравленный глазом как и лесен
Вовнутренности

Желательно проследить мои губы
Слезы ~~вдоль~~ облегаются на сух
Тогда как и я розовые орбы
Без конца грызть убае зайахукой

Посадишь жале на один сорт
В желатини форменном
Как и исправник обведи селенья
Скореем уничтожу все выкаты
Переблать на каждом утешеньи
В один едканна лью тетьре дожда
Сорок соборов на одну мизу

Удери скарбелкой кубальни
Вуши Катлю
НИЦ

Я завтра так умотося
Томеня и парикмахер не ^{узнает}
Такія пошу за собою прозархін
Каменныя карывы связанкой
бубликов
На квартиру Цыркоруя

Козим Узлом вознесу
На самы ^{просторныя} ~~высокія~~ ^м
Трапатори дом
Сробеля

Дока не упрѣсь дощатой
Всодѣтвенный ^{подожной} кайтвый
Буду кофты проситъ ^{рост} визнар
и изображу

На шестой раз мылом
поросший
Серебряный Казак
Залун
Алзак

Экнут на мёка
Глаза мои
В бёдрах Асторава
Трабанкондисты

КОНТРАНИТЫ
В ЗАГРАНИЦЕ
НА УМА
Видном
Амбст
Арк А
и
Абрахидар
ПРОСЯТ

ВИСЬТЬ
В
воздух
Соблюда
Головной убор
и
Тишину
за ~~поясом~~

ПИСЬМА

1917 - 22 гг.

Письма написаны в Тифлисе в период с 1917 по 1922 год И. Терентьевым, а также жившими вместе с ним его женой и отцом жены - Натальей Михайловной Терентьевой (урожд. Карпович) и Михаилом Викентьевичем Карповичем. Из комплекта писем этих трех авторов, любезно предоставленного Т. И. Терентьевой, выбраны наиболее важные и интересные части и фрагменты (из 11 писем самого Терентьева полностью публикуются 8). Адресаты писем - мать Н. М. Терентьевой (бывшая жена М. В. Карповича) Мария Евгеньевна Преснякова, проживавшая в Петрограде, и ее сын, родной брат Н. М. Терентьевой, приятель И. Терентьева по Московскому университету Михаил Михайлович Карпович, работавший с 1917г. в Российском посольстве в Вашингтоне (позже - гл. редактор выходившего в США "Нового журнала"). Письма публикуются в хронологическом порядке (датировка одного из них - N 4 - предположительна) с некоторыми исправлениями авторской орфографии и пунктуации по ксерокопиям с оригиналов, хранящихся у родственников М. М. Карповича (США).

В письмах упоминаются: Н. М. Терентьева ("Наташа"), М. В. Карпович ("Михаил Викентьевич", в письме N 5 - "папа"), Т. И. Терентьева ("дочь", "дочка"), проживавшая в их доме родственница М. В. Карповича Мария Феликсовна ("тетя Маша"), М. М. Карпович ("Миша"), двоюродная сестра Н. М. Терентьевой Татьяна Георгиевна Калашникова ("Таня Калашникова"), подруга Н. М. Терентьевой Елена Константиновна Кранц ("Леля Кранц"), муж М. Е. Пресняковой Иван Платонович ("Иван Пл.", он и М. Е. Преснякова - "петроградцы"), а также служивший в царской и Добровольческой армиях, позднее эмигрировавший в Константинополь (затем - в США) младший брат И. Терентьева и университетский приятель М. М. Карповича Владимир Герасимович Терентьев ("Володя"), жившие в Екатеринославе и потом перебравшиеся под Константинополь (затем - во Францию) родители И. Терентьева Елизавета Михайловна и Герасим Львович Терентьевы и сестры Ольга и Татьяна ("папа, мама, Леля, Таня", "старики, сестры", "екатеринославцы").

1.

И. Г. Терентьев - М. Е. Пресняковой

Дорогая Мария Евгеньевна!

Очень трудно писать теперь; может быть, потому что слишком много событий, - все письма, которые изредка сам пишешь и которые получаешь, - все необыкновенно похожи одно на другое: жалобы, отвращение и усталость.

То, что Наташа пишет о себе, - я вполне разделяю: я тоже утратил интерес к широкой жизни, устал и жду только сносных условий для личного существования.

Мне кажется, что, как только можно будет, я постараюсь вместе с Наташей уехать из России, к которой мы не чувствуем ни малейшего интереса. Может быть, внезапно явится патриотизм, но не предвижу я этого.

Бегство за границу осуществить очень трудно: в России много близких людей, которых покинуть тяжело, но пока об этом бегстве только мечтаешь, - кажется, что все затруднения как-нибудь уладятся. После трех лет войны все равно - в России или за границей - мне нужно будет какую бы то ни было работу - начинать с начала, применяясь к условиям новым и неожиданным; это обстоятельство и наводит меня на мысли о предстоящих скитаниях вообще и о заграничье.

А пока благодарю Бога, что все мы живы и относительно здоровы: большего теперь и желать нельзя.

Пошли Вам Бог терпения; может быть, дождемся опять мирных екатеринославских дней.

Вот Вам одно из писем, которые теперь в России пишутся десятками миллионов людей.

Целую Вас крепко.

Игорь

12 августа 1917 г.

г. Тифлис.

2.

И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

31 октября 1917 г.

г. Тифлис

Дорогой Миша! Я не послал тебе в Америку ни одного письма! Принимался писать несколько раз, но я, очевидно, плохо понимаю стиль окружающей жизни, потому что останавливаюсь на каждой строчке долго и, как будто, без достаточного основания: все мои письма к тебе уничтожены рукою автора. Иногда я очень живо представляю себе, насколько приятно было бы тебе в Вашингтоне читать мои каракули и без конца отдаваться воображению, но эгоизм - каждый раз берет верх и картины моего собственного воображения становятся менее правдоподобны: я начинаю думать об окончании войны, о Москве и проч. радостях... Но писать письма - это для меня теперь самый мучительный вид творчества: у меня не хватает сил сосредоточиться на своей повседневной жизни, которая так интересна тебе из Вашингтона; я не пленен обиходом этой жизни, потому что хочу другого обихода: роскошная привычка постоянно быть в обществе таких джентльменов, как ты и Володя, не дает мне покоя теперь, когда Вас нет со мною. Не на чем отдохнуть среди таких основательных огорчений, как судьба моего папы, Володиного прозябание на фронте, моя унылая служба ... и война, война ... вместе с революцией!

Общая жизнь начинает мчаться поверх всех барьеров, ограждавших самую

необходимую степень благополучия.

Дело не в комфорте, но в том, что длительность рабства, в котором держат нас "мировые события", - не соответствует слишком короткому сроку, данному людям для личной жизни. Трудно притворяться, что "все это очень интересно", когда, по совести, в этом интересном ничего понять нельзя. Интересно будет, но уже не нам, а внукам нашим.

Сегодня мы получили из Петрограда твои портреты; работа превосходная, подарок очень приятный, мы все довольны. Я как будто избегаю рассказывать тебе фактическую сторону нашей жизни: она все та же. Слава Богу!

Летом на две недели я ездил в Екатеринослав. Видел всех и все меня видели. Свидание не было очень радостным, что понятно; кроме того, особого рода рассеянность и усталость лишили нас с Володей той возможности, которая всегда была к нашим услугам: поговорить друг с другом до полного удовлетворения всем существующим. Моя общественная работа прекратилась естественным образом - надоело. Это не в моем темпераменте - скучно мне. Быть может, среди интеллигентных людей мне было бы увлекательно пробовать политический диапазон своего вдумчивого баритона, но в сборище солдат это занятие быстро устранило для меня всю свою привлекательность, а еще быстрее свою значительность. Моя платформа - джентльмен, которого заочно выбирают членом комиссии по выборам в Учредит. Собрание, доверяя его беспартийной кастовой порядочности. На этом я хочу успокоиться по возможности надолго. Последнее событие в политике - выступление большевиков в Петрограде и Москве. Я не буду рассказывать тебе об этом, т.к. полагаю, что дня через два, три по получении моего письма к твоим услугам будут все русские газеты, которых я сам еще не получил. Оригинальной же точки зрения на эти события не имею, придерживаясь взглядов "контрреволюционных", что также признак кастовый.

Наташа яркая монархистка и, д. быть, дочку свою воспитает в этих же взглядах.

Дружбу мы ведем только с Кранцами, которые тоже почти монархисты. Твои письма мы получаем все.

Тобой мы заочно любимся, представляя тебя в положениях одно величественней другого: в собственном автомобиле за городом, в еврейском квартале, оглушенного овацией сорока тысяч жинов, на обеде у Вильсона, всегда в цилиндре и гладко выбритого!

Не думай, что эти картины вызывают в нас кроме гордости и чувство пролетарской зависти, не угрызайся, что "весь этот покой неизвестно за какие заслуги", - мы не завидуем, а злорадствуем, что хоть один из наших ускользнул.

Крепко все мы тебя целуем.

Твой Игорь.

3.

И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

Тифлис. 1919 г. 8 апреля.

Дорогой Миша! Больше года я уже никому не пишу писем и ни от кого их не получаю. О Володе равно ничего мне не известно, где наши екатеринославцы, петроградцы, москвичи, тоже не знаю. Выработалась привычка думать обо всем этом с необычайной тупостью ... как и о многом другом.

Тифлисская жизнь наша с внешней стороны, как будто, тоже не переменялась: живем в той же квартире, в том же городе ... Вот только безденежье кажется не таким веселым, как это бывало у нас в Москве когда-то.

Когда Управление военных сообщений было ликвидировано и я остался без службы - вот список моих попыток зарабатывать: 1) была открыта "контора юридической помощи". В две недели клиентов набралось на около 2* миллионов рублей, но грузинск. правительство отказалось рассматривать дела конторы, т.к. это были дела контрагентов казны (бывш. русской), и контора была закрыта. 2) Поступил чернорабочим в винный погреб на 600 р. в месяц. Проработал неделю и начал заболеть от непривычки таскать восемь часов тяжести (я был там мушей) и в то же время тетя Маша соблазнила ишаком У Цителовых (ее знакомые) был ишак, которого они предложили мне напрокат ... 3) и я сделался ломовым извозчиком: ездил на вокзал за поклажей, по городу развозил муку, веши, вино Но тут сильно вздорожал корм ишачий и предприятие стало убыточным настолько, что на этом деле я потерял (продал) золотые часы. 4) После ишака поступил в театр вторым актером на 450 руб. в месяц. Прослужил весь зимний сезон. Теперь служу в том же театре великопостный сезон на первых ролях и получаю 600 р. в месяц. На лето имею предложение на 1500 р. в месяц, но это еще неопределенно. Вся беда в том, что я юрист по образованию и не коммерсант по рождению: юрист - не специальность теперь, а вне коммерческой деятельности мне - не грузину, не политич. деятелю - заработка нет. Оставалось использовать свое когда-тошнее увлечение театром (некоторая способность и опыт) и раздуть их до профессионализма. И вот на этом поприще мне лучше всего удалось вымазаться негром, петь английские шансонетки и танцевать чечетку. Мой бенефис прошел так бурно в смысле оваций, что было очень смешно.

Имея поневоле очень много свободного времени, я опять занялся усиленно поэзией и, работая много уже два года как футурист, - вышел за пределы футуризма и только условия времени не позволяют мне "раскрыть свои рукописи для всех" - нужны деньги для издания и нужны люди, способные образовать школу. Покамест вышли книги: "Ожирение роз" - книга известного футуриста Крученых обо мне и с моими стихами, "Грандиозарь" - моя книга о Крученых, завтра выходит книга моих стихов под названием "Херувимы свистят", в ближайшем будущем будет издана моя теоретическая книга "Табак" - законы обиходного языка и поэзии (контрасты) и ритм стиха (приложение музыкального счета к стихам).

Всей этой литературы не посылаю тебе, т. как гораздо важнее, чтобы до тебя дошли наши письма, а из-за книг это может затрудниться как-нибудь. И не перепису в письме ничего, потому что ... не хочу пугать тебя попусту "литературным большевизмом".

Кончая об этих своих подвигах, скажу, что при личном свидании с тобой, если бы оно было возможно, мне не пришлось бы долго тебя уговаривать и убеждать: от того, что нами владело раньше, прыжок вышел бы сам собою: от Пушкина к ... черт знает чему.

Наташа находит удовольствие для себя в моих писаниях, но многое хорошо только в малых дозах и поэтического засилья в нашем доме нет.

Тем более, что у Наташи есть собственное дело для себя. Она учится танцевать в школе далькрозистки Жанны Матинион. Эта Жанна (я с нею немного знаком) - очаровательная, молодая и вполне здоровая дама - обучает молодых девушек ритму движений и в этом деле не переступает границы ... т.е. не впадает в изящный психопатизм. Там у них все просто и здорово. Хотя в последнее время появился некий грек, специалист по восточным танцам, который предложил Жанне обучить ее учениц дисциплине. По рассказам Наташи и Тани Калашниковой (она тоже далькрозистка и очень способная), танцы грека мне представляются соединением танца Саломеи с военным строем. Плохо то, что грек мучает барышень по 2-3 часа сряду и доводит некоторых (не Наташу) до обморока. Наташа в этом случае оказалась недисциплинированной и, когда устают, уходит домой. Когда Наташа (это

между прочим) спросила Жанну, не спирит ли этот грек? - Жанна ответила: "Не знаю, не думаю только, чтобы спириты пили так много водка" (Жанна французенка). Мне очень нравится такой ответ.

Наши знакомства состоят из нескольких девушек (подруг Наташи, Лели Кранц и Тани Калашниковой) и нескольких молодых поэтов, но встречаться, бывать ... этого почти не бывает, так как ни у кого ничего нет чем угощать, а, кроме того, каждый вечер я занят в театре. С актерами у меня прекрасные отношения, но не домашние.

Наташа здорова, выглядит прекрасно, хоть и не пополнела. Дочка наша очаровательна и пользуется большой популярностью среди обывателей нескольких кварталов вокруг нас.

Ну вот и все, милый мой. Я спешу по делам: на репетицию, за деньгами, за провизией для обеда.

Крепко целую тебя.

Твой Игорь.

4.

И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

<Июнь? 1919 г., г. Тифлис>

Дорогой Миша! Три письма отправил тебе в Америку! Теперь, оказывается, нужно писать в Париж! Пишу вздремнувший пьяный: угощал наборщиков, так как стою у главе книгоиздательства (называется 41°) футуристического! Со мною в деле футур. Крученых и Зданевич. Вернулся домой в 5 ч. веч., а сейчас 12 ночи, - спал все время и еще не проспался: Наташа подогревает макароны - поем и опять лягу. Завтра в пользу "актера" ("день актера") на улицах читаю свои стихи и танцую - я служу в театре 3ий сезон! Жду, когда все к черту кончится и мы все будем вместе. Где Володя, не знаю. У всех у нас тоска по богатству! Целую тебя и люблю. Игорь.

5.

И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

27 октября. Понедельник. 1919 г. Тифлис.

Дорогой Миша!

Я уже собрался телеграфировать - "I have bought a theater Need thousand dollars Send me them Will give them back in six months Igor Terenteff". У меня большая надежда на то, что эти крайне необходимые мне thousand dollars ты мог бы подзанять у какого-нибудь вашингтонца и выслать мне для дела - величайшей важности.

Если бы я начал рассказывать тебе по порядку все, что за последние три года я устраиваю в Тифлисе, у меня не хватило бы ни памяти, ни времени для этого описания. Имеются в Тифлисе определенные графоманы, которые днем и ночью пишут историю превращения Тифлиса в Париж.

У меня отвратительное перо и от него почерк, выдающий наклонность к прогрессивному идиотизму. Так или иначе я должен посвятить тебя кое во что. В Тифлис едут и едут разные люди: Евреинов, Судейкин, Сорин, Мейерхольд, Голубев, Иванев и проч. и проч.

Позиция нашего суперфутуризма (Компания 41°, т.е. Крученых, Зданевич и я) -

* "Я купил театр Нужна тысяча долларов Пришли мне их Верну через шесть месяцев Игорь Терентьев" (искаж. англ.) - примеч. сост.

оказалась единственно пригодной для объединения людей.

Мы представляем собою новый Арарат и тот театр, о котором говорится в телеграмме, - есть необходимый для всех (гл. образом, русских) художников - КОВЧЕГ!

Я директор театра, потому что без копейки денег добился того, что правительство независимой Грузии реквизирировало частное помещение в пользу режиссера Евреинова, который выдал заранее полную доверенность на ведение дела мне. Все свои дела веду в содружестве с Ильей Михайловичем Зданевичем. Третий Кит - Крученых временно живет в Баку (и скоро будет выписан обратно).

Театр, который уже начал подготовительные работы, весь целиком держится на нас: мы устраиваем чрезвычайные комбинации, чтобы продержаться, не имея денег, - до открытия. К нам уже поступают требования абонементов, но в Тифлисе нет мецената, который свой капитал предоставил бы нам на процентах мыслимых - менее 100 - 200 % никто теперь коммерцией не признает. Я могу вернуть тебе деньги через 6 месяцев (причем ты, конечно, можешь потерять в зависимости от падения курса) и 10 % ежемесячного дивиденда плюс. В той необыкновенной бодрости, что возникла теперь у людей искусства, всякое малейшее начинание принимает размеры грандиозные, и я нисколько не сомневаюсь, что дело театра оправдывает все ожидания.

Кроме стороны художественной и культурной, здесь важно то, что театр - мой хлеб вместе с литературой и живописью - я хочу заработать на этом деле и заработаю. Твоя помощь освободит мои силы от колоссального расколаивания их на комбинации, дорого стоящие и трудные. А я непременно добьюсь своего, потому что вся Москва для меня была подготовительным периодом к этому делу. Я думаю, что наше дело, начатое с посещения "Бара", дело собственной нашей культуры, теперь, после пятилетнего перерыва, опять возникает в форме большого искусства и завоевания. Я замечаю в себе все признаки маньяка и, главн. образом, неограниченную работоспособность. Театр называется "Малый театр" и, будучи на положении почти "государственного", - имеет политическое значение - все элементы закавказской общественности втянуты в эту заботу, а последние нитки у нас.

Теперь ночь. Я сижу в кабинете папы; он выехал по делам в Батум. Наташа спит тут же. В нашей комнате заночевала Леля Кранц. Тетя Маша спит у себя. О своих - Володя, папа, мама, Леля, Таня - ничего не знаю! И тем больше хлопоту и работаю. Есть уверенность на полную победу на всех фронтах и окончательную, т.е. конец жизни (лет 30 - напоследок, по крайней мере) прожить - соединившись со всеми. А пока - нельзя зевать. Я очень устал, завтра рано вставать с мыслью о чужих деньгах. Я, по совести, не умею рассказать тебе все о Тифлисе так просто и без гоголевского захлебывания, чтобы ты хоть что-нибудь действительно ощутил, - я утонул в этих делах... Удача, удача, удача... даже в неудачах и во всем - это самое главное. Довольно было бы тебе просмотреть в Тифлисе один любой день - чтобы похудеть от увлечения. Моя дочка - полнейшая прелесть и, м. быть, вообще лучшее, что я сделал в жизни. Целую тебя, мой родной.

Игорь

Чем скорее ты исполнишь мою просьбу, тем лучше, п. что я в ожидании денег продам не только свои, но и чужие штаны.

Н. М. Терентьева, И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

12 декабря 1919 <г. Тифлис>

Дорогой мой Миша.

Дня через два один господин едет прямо в Вашингтон и повезет мое письмо к тебе. Я надеюсь, что ты получишь его непременно и потому хочу написать все очень толково и очень обстоятельно. Признаюсь, это большой труд для меня. Наша жизнь - это такой безнадежный сумбур, такая непроходимая бесполокшность - это просто сон какой-то и очень тяжелый. Сегодня пишу тебе со стесненным сердцем. У меня безнадежно мрачно на душе. Не думай, что случилось какое-нибудь несчастье - ничего такого не случилось. Мы все живы и о близких наших ничего трагического не узнали. Ужасно, конечно, то, что мы вообще о них ничего не знаем. Особенно мучат меня мысли о маме и о Володе. Не знаю, получил ли ты Игоревое письмо с просьбой о деньгах для театра. Письмо это и моя приписка кажутся мне теперь написанными до того нелепо, что, я думаю, ты должен был просто руками развести в полном недоумении. Если к тому же ты получил посланные Таней Игоревы футуристические книги - то, боюсь, ты просто потерялся, м. быть, решил, что мы немножко рехнулись или совершенно одурели. А между тем, это был целый период нашей жизни - и такой веселый, такой блестящий - о нем судить ты никак не можешь по обрывкам наших чувств и мыслей, доходившим до тебя в наших письмах - если бы ты был с нами, ты бы все понял и конечно многое одобрил бы. Теперь ничего нет. Нет театра, нет чудесных надежд, нет никаких возможностей - мы свалились в ужасную яму полного безденежья и апатии от невозможности что-нибудь сделать, как-нибудь выбраться. Я хочу описать тебе все эти как-нибудь. Какой бы большой дипломат и государственный ты ни был - но ведь не можешь же ты не интересоваться - той ерундой, из которой складывается наша - твоих близких, твоих лучших друзей - жизнь. Боже мой - ведь жизнь именно - в тех мелочах, о которых почти ничего сказать! Осенью мы были действительно почти ненормальны и в каком-то раже. 41 градус - представляется тебе никчемной ерундой. Да, но не таким он кажется здесь, в Тифлисе - когда во главе его блестящие бесшабашники, безусловно самые талантливые из деятелей искусства в Тифлисе (если не считать приезжего Судейкина, хорошего художника и гениального человека) - Игорь и Илья Зланевич - непрерывно ораторствующие на литературных диспутах - изумительно декламирующие свои непонятные стихи - одним звуком своего голоса делающие понятным все самое нелепое и приятным все самое отталкивающее. Поющие, орущие, пляшущие, чудные футуристы!... Превращающиеся из нищих в миллионеров и из миллионеров опять в нищих (пример Ильи, в два месяца заработавшего 500.000 и в пять месяцев прожившего их до последней копейки). Весь Тифлис знает Игоря и Илью. Весь литературный Тифлис боится их и почти ненавидит и все настоящие люди - любят их и ценят очень высоко. Да. Все это сухая правда. Игорь затеял большое дело. Он решил использовать людей с большими именами, забредших случайно в Тифлис, и создать настоящий (отнюдь не футуристический) театр. Знаменитый Евреинов (создатель Старинного театра - европейская известность) - предполагался режиссером. Судейкин - декоратором. Предполагалось выпустить артистов - многие из них с большими именами - из Ростова и других городов, где они голодают и погибают. Игорь и Илья сумели раздуть эти дела до такой степени, что городская управа реквизировала для них театр, в котором работал кинематограф - с тем, чтобы создать большое культурное дело - "поднять процветание искусства в Грузии" (чувствуешь, масштаб, масштаб-то какой!) Все это рухнуло именно потому, что приняло размеры дела государственной важности. Кинематографическая фирма оказалась бельгийской. В дело вмешался бельг. консул. Реквизицию приостановили.

Назначили судебное разбирательство. Две фракции стали на разные точки зрения (с.д.меньшевики за театр, федералисты против). "Костя" (Тум.) писал громкие статьи против Евреинова. Защищал наших врагов - лучший адвокат Тифлиса - твой знакомый Шалва Мескиев и выиграл дело! "On ne parlait que de cela dans les salons". * Таня Калашникова рассказывала мне, что у них на службе дебаты о театре доходили чуть не до драки. Если принять во внимание, что у длиннокудрого Евреинова с прекрасными глазами в Тифлисе немало поклонниц и у многих из них есть благоразумно ревнующие мужья, - то вся острота враждебности стоящих за театр к относящимся отрицательно к нему - станет понятна. Но южный темперамент сказался. Здесь люди остывают так же мгновенно, как и воспламеняются. В "сферах" к театру как-то сразу охладели. Тут же приспели и важные политические события. У врагов новый аргумент - стыдно и несвоевременно думать о театре, когда ... и т.д. и т.д. Разбирательство в сенате все откладывается. Месяц и полтора прошло, а его все нет. И для всех теперь ясно, что сильная и богатая кинематографическая фирма, прочно засевшая в своем театре, не может быть побеждена неимущими энтузиастами - горсточкой людей искусства. Я описала тебе все подробно, чтобы ты понял наше настроение - всю историю нашего краха. Игорь, дошедший до высочайшего градуса, - сразу как-то поддался и потерял всякую почву под ногами после этого провала. Не говоря о том, что это полное нравственное поражение и потеря очень видного положения в городе, - это крушение единственной возможности заработка и дела. Как администратор Игорь имел бы интересную и волнующую работу. Как артист он мог бы выдвинуться. Как пайщик - много заработать. Я уверена, что он отдал слишком много нервов этому делу, он слишком хотел этого театра. Потом начался ряд неудач. Потеря службы у американцев и крушение ряда предприятий. Судебное разбирательство требовало больших денег и он запутался в долгах. Вот уже два месяца он буквально бьется как рыба об лед и мне тяжело все это ужасно. Игорь - такой бодрый, такой оптимист - дошел до упадка сил, до невероятной нервности, до отчаянной худобы. Ему не сидится дома. Вдесять утра он уходит и до 2-х ночи его нет. Фу! Это почти смешно, все, что я пишу про Игоря. Это похоже на душераздирающий немецкий роман. Я не умею описать тебе этого совсем, но это очень грустно.

<...> Целую тебя, дорогой мой. Господи, как хочу видеть тебя!

Твоя Наташа. <...>

Нам очень нужны деньги, а у тебя их, д. быть, не так много, как мы воображаем. Наташино повествование да не омрачит тебя: ни одно мое дело не провалилось окончательно: и театр, и возможность выгодной службы в чужом театре. В течение ближайших недель многое должно выясниться, но пока очень туго.

У меня жар и болит голова. Ничего особенно интересного не могу прибавить к письму Наташи. Целую тебя. Твой Игорь. 12/XII-19 г.

* "Об этом все говорили в салонах" (франц.) - примеч. сост.

М. В. Карпович - М. М. Карповичу

Тифлис. 16 июля 1920 г.

<...> Самое неприятное, что Игорь до сих пор никак не пристроится; это неприятно не только в материальном, но и в моральном отношении, так как создавшееся положение, при котором Игорь не в состоянии зарабатывать своим трудом, сильно тяготит его и действует на его психику. Во всем, за что он ни брался здесь, в Тифлисе, ему страшно не везло. Правда - все его затеи были в области литературы и искусства (ценностей, весьма слабо котирующихся на современной бирже) - это несомненно симпатичней, чем занятие спекуляцией, манией, которой одержимо большинство молодых людей, но тем не менее факт остается фактом, что до сих пор без посторонней поддержки существовать он не может. Теперь он задумал переехать в Батум и я от всего сердца желаю ему всякого успеха, хоть сильно сомневаюсь в последнем. Обидно! Человек он безусловно порядочный, талантливый, энергичный - а устроить свою жизнь до сих пор не смог. <...>

И. Г. Терентьев - М. М. Карповичу

25 января 1921 г. Тифлис

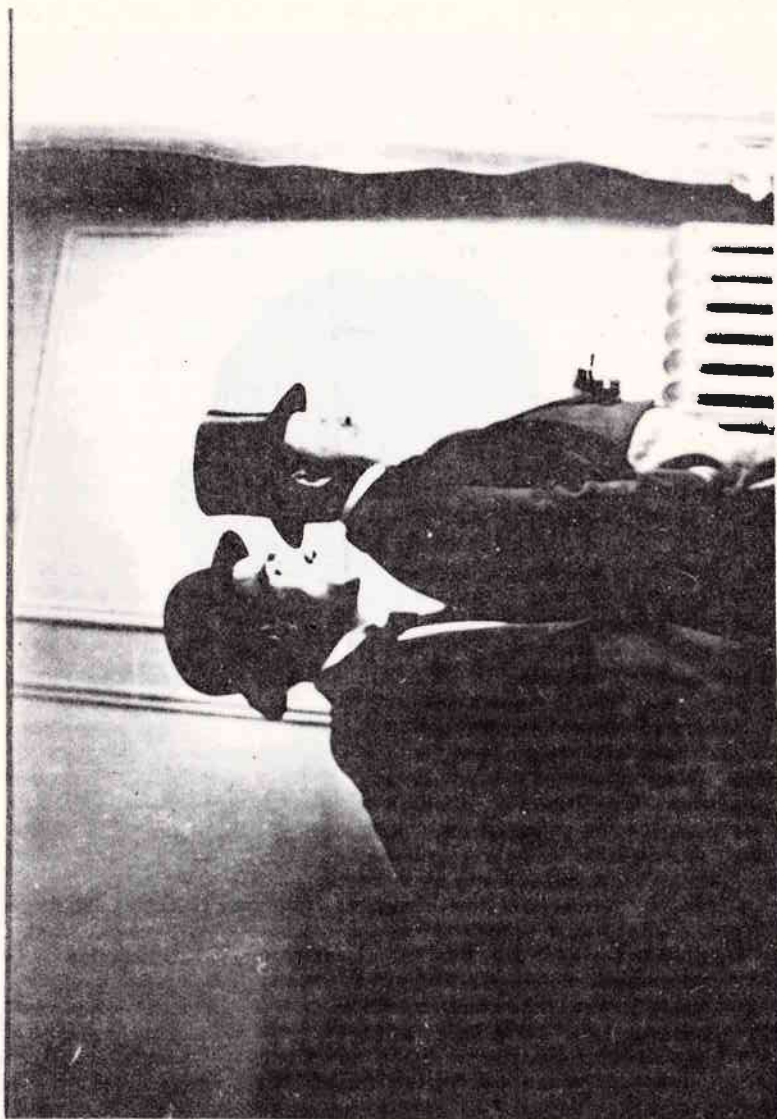
Дорогой Миша! Правда ли, что у тебя все еще сохранилась надежда на что-то и как-то в России?! Я уже давно перестал думать о надеждах, потому что вижу свое грандиозное незнание того, что там есть теперь ... Ни одно слово газеты или очевидца не показалось мне до сих пор похожим на правду вообще! Сам я, не побывав на месте, чувствую только мучительное любопытство и ничего больше, т.к. все "ужасы", о которых знаю, заглушаются тупостью, что приобрели мы за последние 5 лет войны и прочей гили.

Дело не в философском или поэтическом определении того, что есть "Эресефесер"! - свою частную жизнь уже никак не удастся связать хотя с чем-нибудь продолжительным: мы предполагали служить, а в свободное от занятий время предаваться благородным трудам искусства или науки! Это наша программа и она оказалась единственной, т.к. если не служим или не печатаемся, то ничего другого двигать не умеем. Я пробовал разное, но к черту, не буду говорить об этих пробах, потому что попробую еще и когда выйдет что-нибудь, напишу. О смерти Ивана Пл. мы узнали только из твоего последнего письма. Установить связь с Петроградом не очень можно, трудно, но все же следует пытаться: мешает прямое нежелание знать о близких людях давно минувшие подробности, когда ни увидеть этих людей, ни помочь им нет сил. О Володе узнал мало проверенную новость о том, что он с остатками Врангеля эвакуирован в С.-Стефано. Мучительная новость: если он в С.-Стефано, почему нет от него ни одного письма (из Константинополя письма прекрасно доходят почтой). А кроме того, очень хочется поехать свидеться, а на дорогу деньги нужны, каких нет. Лучше ничего не знать! В Тифлисе зимний сезон прошел по настроению города беднее, т.е. еще беднее с новым годом, хотя Москва и Петроград, казалось, напустили сюда всю свою артистерию: Художеств. Театр, Мордкин, "Кривой Джимми", Ходотов и не упомяну сколько знаменитостей, но литературных интересов у публики нет, - все литераторы разъезжаются и сегодня еще в кафе грузинск. поэты установили, что из русских писателей в Тифлисе остался один я. Мой приятель худож. Зланевич недавно объехал всю Европу и всюду - в Риме, Париже, Берлине - оставил мои книжки. Он говорит, - мой успех там гарантирован; но я желал бы знать, в чем этот успех может теперь выражаться

Н. М. Терентьева, 1924 г.

На обороте: В. Г. Терентьев (слева) и М. М. Карпович, 1920-е гг., США.

кроме двух-трех обедов в честь голодающего атлета.

Другой мой приятель - поэт Зданевич (брат худ-а) рискнул двинуться в Париж, но оказался не так увертлив, как художник, и потому застрял на американской службе в Константинополе без денег, без квартиры и получив из Парижа отказ в визе. Словом, эта зима прошла в том, что я "должен выскочить из Тифлиса и что-нибудь сделать", но не выскочил и не сделал.

Устроил, впрочем, три вечера в студенческом клубе, где читал доклады о новых законах языка, читал стихи.... Вечера понравились мне, понравились публике.... Кто-то про меня сказал, что я гениальный, а кто-то что шарлатан, - тем и кончилось!

Болею много - три дня в неделю жар - тропическ. малярия.

Наташа опять начала обучаться пению. Ее учительница называется - Джакела. Прошло 2 недели, о результатах говорить рано. "Через четыре года я буду певицей" - это сказано Наташей с особой силой и достоверностью.

Наша дочь - сумасшедшая, но симпатичная девочка. Наташа говорит, что она была в детстве точь-в-точь такая.

В отношении финансовом - ничего не изменилось: плохо, но живем... Для меня это главный вопрос: найти заработок - и пока не установлю хоть что-нибудь, не успокоюсь и не буду говорить, что живу хорошо, хотя живу, правду сказать, недурно: очень доволен "обедом и женой". Слава Богу!

Ну, Мишенька милый, - будь здоров. Пиши. Если пришьешь опять денег - всегда к стати!

Твой Игорь.

9.

И. Г. Терентьев - М. Е. Пресняковой

18 сентября 22 г.
Тифлис.

Дорогая Мария Евгеньевна.

Только что вернулся я из Константинополя, где пробыл 8 месяцев. Трудно сказать, хорошо это было или не хорошо, что я уезжал так надолго... Вне сомнений лишь то, что после шести лет разлуки должен был я воспользоваться случаем повидать своих. Ведь я с ними до этого прожил 23 года, почти не расставаясь и очень дружно. К тому же осенью прошлого года я получил единственное за это время письмо от Володи, в котором он сообщал о тяжелой болезни папы. Отправляясь в Константинополь, я невольно связывал цель свидания со своими родными - со многими другими намерениями в том же заграничном направлении: Наташа и отчасти Михаил Викентьевич были склонны выехать за границу при некоторой финансовой комбинации, что вместе с моими личными желаниями и надеждами соединялось в некий план - правда, несколько рискованный и фантастичный! Вернулся я в Тифлис, п. что почтовые сообщения между мной и Наташей по вине американского комитета были задержаны на 3 месяца - именно на этот срок запоздали деньги, которые я выслал Наташе из Константинополя. Три месяца просрочки в моих скудных возможностях много значили и я побоялся настаивать на приезде Наташи в Константинополь, хотя и мог отправиться вместе с нею в Париж на стипендию в Сорбоннский Университет для продолжения своих филологических занятий (меня хотели туда отправить американцы). Я побоялся, что если вдруг эта блестящая комбинация не осуществится, надо будет с семьей зимовать в Константинополе, а это совсем плохо: Констан-пль хуже Тифлиса в отношении заработка.

Своих стариков, сестер и Володю я оставил в значительно лучшем положении, чем то, что было 8 мес. назад. Благодаря Мишиной помощи, все они приоделись, имеют комнату, приобрели некоторые знакомства и понемногу сами зарабатывают. Тифлис за время нашей разлуки с ним очень переменялся: в пять раз богаче и в десять раз глупее. Из моих друзей не осталось почти никого, а новые люди смогут быть друзьями разве что только через много лет. Продолжать ту работу, которая за последние 5 лет сделалась для меня (и для Наташи) центром внимания, - в Тифлисе нельзя. Я намерен служить. Это возможно. До времени смогу прожить тихо, как в деревне. Это, пожалуй, и кстати теперь после путешествий и разлуки с Наташей. Наташа, впрочем, говорит, что "в Тифлисе жить нельзя". Она очень хочет переехать к Вам в Петроград. Для меня такой переезд был бы в высокой степени желателен. Только два препятствия на этом пути: 1) не знаю, можно ли в Петрограде хотя бы на первое время зацепиться где-нибудь работой; 2) путешествие из Тифлиса в П. очень дорого стоит. Напишите нам, дорогая Марья Евгеньевна, что-нибудь об этом деле.

Целую вас и горячо люблю.

Игорь.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ

1931 г.

Показания Терентьева, данные им во время следствия в Днепропетровском секторе ГПУ УССР (дело N 773/18222) охватываются периодом с 27 января по 13 июня 1931 г. и, не считая одной короткой записки и автобиографии, состоят из 23 самостоятельных частей. Тексты не являются в подлинном смысле протоколами допросов, они не содержат вопросов следователя и в большинстве случаев написаны самим Терентьевым. Здесь публикуется важнейшая часть показаний Терентьева, представляющая собой отдельную "сюжетную линию" общего повествования. Один из публикуемых фрагментов записан рукой не Терентьева, а, вероятно, одного из допрашивавших его следователей (N 3). В этом и других фрагментах показаний сделаны некоторые необходимые исправления авторской орфографии и пунктуации.

1.

Протокол допроса.
Терентьева, Игоря Герасимовича.
Режиссер Днепропетровского Рабоч. Театра.
Бывш. офицер.

От 27.1 - 1931 года.

Происхожу из семьи жандармского полковника, бывш. Начальника Екатеринославского жандармского управления, умершего два года тому назад в эмиграции, во Франции в Марселе, - Герасима Львовича Терентьева.

Брат мой, Владимир, офицер, воен. врангелевский контрразведчик, ныне находится в Америке. Из Крыма эвакуировался в Константинополь, где был связан с иностранными к. разведками, о чем он мне лично говорил в бытность мою в Константинополе.

Мать и сестры также эмигрировали вместе с отцом и ныне живут во Франции.

Я сам в прошлом офицер, последний мой чин - подпоручик при отделении жел.-дорож. войск Управления военных сообщений Кавказского фронта в Тифлисе.

Сугубо религиозное воспитание, полученное мною в детстве, условия развития в специфическом и узком кругу знакомых, как взрослых, так и детей (что было связано с общественным положением отца), чрезвычайная длительность моего пребывания в этих условиях - впоследствии сыграли немалую роль в моем отрицательном отношении к Соввласти, что перешло во враждебность и готовность к борьбе с нею в те дни, когда в Константинополе мы встретились с братом после долгой разлуки: война была окончена, могла начаться та жизнь, единственным препятствием которой являлось существование власти большевиков.

Ныне, становясь на путь чистосердечных раскаяний в своей к./р. работе, столь тесно примыкающей к моей социальной природе сына жандармского полковника, признаю себя виновным в том, что на протяжении 8-ми лет (с 1923-31 г.) стремился своей деятельностью к подрыву и свержению Советской власти, идя по примеру всех врагов Соввласти на организационное оформление моей социальной сущности.

Организационно для борьбы с Соввластью я закрепился в Константинополе при содействии брата Владимира.

Прибыв в ССР в 1923 г., я начал работать в избранном направлении долгий срок, ограничиваясь на практике вредительством в области театра.

Подробно о вербовке братом сообщу в следующих показаниях.

Написано собственноручно.

Иг. Терентьев.

Допросил Ст. Упол. ПК Б. Гринер

2.

Показания обвиняемого Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, б. офицера, сына жандармского полковника.

В декабре 1921 г. я из Тифлиса выехал в Константинополь. Основной причиной отъезда было давнишнее мое желание побывать за границей в целях поднять свою квалификацию работника искусства. В Америке, в Вашингтоне, с 18го года жил брат моей жены Михаил Михайлович Карпович, а в Париже с 19го года - литератор Илья Михайлович Зданевич, на помощь которых

я рассчитывал, будучи с ними обоими в близких личных отношениях и состоя в переписке. О судьбе и местожительстве моей семьи, т. е. отца, матери, двух сестер и брата, я в течение 4 лет не имел никаких сведений, живя безвыездно в Тифлисе, и только осенью 21го года я получил из Константинополя письмо от брата, в котором сообщалось, что вся семья живет на острове Халки близ Константинополя. В то время я лежал в постели больной брюшным тифом. Получение письма с известием о семье, которая 4 года считалась без вести пропавшей, было в глазах окружающих меня родственников жены достаточным основанием для того, чтобы я мог серьезно поставить вопрос о своем отъезде за границу. При этом вопрос о жене и дочери решался так, что или они с моей помощью выедут туда, где буду я, или сам я вернусь обратно в Тифлис. Это было в некоторой зависимости от денежной помощи, которую мы ожидали от Михаила Михайловича Карповича (жившего в Америке), с которым я из Константинополя должен был связаться.

Ко мне в качестве попутчика присоединился тогда же мой приятель художник-футурист Кирилл Михайлович Зданевич (брат Ильи Зданевича, жившего в Париже). Он взял на себя хлопоты о паспортах и визах, т. к. сам я еще с трудом передвигался по комнате. Кроме того, у Кир. М. в Тифлисе было больше, чем у меня, знакомств (он тифлисский уроженец) и связей.

Помню, что в связи с получением паспорта я по указанию Зданевича был в Комиссариате Труда у Арчила Микадзе, который, зная меня лично, выдал мне справку-рекомендацию. Что именно там было написано, не помню. Справку я передал Зданевичу.

Потом я вместе со Зданевичем был в учреждении (каком именно, не знаю), где непосредственно выдавались паспорта. Там мне заявили, что необходима справка от ЧК о неимении препятствий к выезду. Помню, что я оттуда же направился в ЧК, где соответствующая справка была мне выдана в теч. времени около одного часа.

Я понял факт получения от ЧК просимой справки так, что, не бывши в белых армиях и живя безвыездно в Тифлисе на глазах у всех, я имею право на то, чтобы мне не отказали.

Как б. офицер царской армии, демобилизованный вместе со всей Кавказск. Армией и с тех пор больше на военной службе не бывший, я регистрировался, когда об этой регистрации было выклеено соответств. объявление в первые же 2-3 недели после советизации Грузии.

В паспорте было указано против графы о воинской повинности - свободен (libre); паспорт был с обратным возвращением сроком на 2 1/2 года.

По возвращении из Константинополя, в Батуме, я сдал паспорт в учреждении, где в связи с визой прибытия нужно было заплатить 15 лир, которых у меня не оказалось.

Я стремился скорее попасть в Тифлис, паспорт мне больше был не нужен, поэтому я, получив в батумском Союзе работников искусства временное удостоверение личности, выехал из Батума, не получив паспорта обратно.

По прибытии в Константинополь на пароходе я был задержан неизвестным мне гражданином, который, говоря со мною по-русски, сказал: "Следуйте за мной". За сход с парохода нужно было платить какую-то значительную сумму денег. Об этом мы со Зданевичем узнали от толпившихся уже на верхней палубе пассажиров в последнюю минуту. Денег у нас не было совсем. Зданевич кинулся разыскивать кого-либо из попутчиков с целью раздобыть требуемые деньги. В это время ко мне и подошел упомянутый гражданин. Перед этим мы видели со Зданевичем, как двое молодых армян были арестованы. Я был в толпе выходивших пассажиров, которые отделяли меня от Зданевича. Зданевич делал издали знаки рукой, чтобы я сходил

на пристань. Я "последовал" за пригласившим меня гражданином, надеясь сойти на пристань и там соединиться со Зданевичем. У меня мелькала мысль о том, что я арестован, так как только что перед этим я был свидетелем ареста двух армян, но я не был в этом уверен, до того как, следуя за неизвестным гражданином и фактически идя вместе с ним в общей толпе пассажиров, - я не оказался сданным на хранение кому-то в сторону: этот второй, кажется, был в полувоенной форме. Сдавая меня этому полувоенному, неизвестный гражданин (седенький, в штатском пальто) сказал мне: "Вы на территории расположения союзных войск". Точно не помню, была эта фраза сказана мне по дороге с парохода или при передаче меня "полувоенному". Я искал глазами Зданевича, желая по крайней мере предупредить его о постигшей меня неприятности, и, очевидно, при этом, незаметно для себя, напевал, т. к. "полувоенный" сделал мне замечание на французском языке: "Тут не опера".

Я был в какой-то конторского вида комнате и в открытую дверь смотрел на проходивших пассажиров. Зданевича не было.

Вскоре вернулся "седенький" и предложил мне следовать за ним далее.

Он повел меня через город и через минут 40 я был введен в какой-то многоэтажный белый дом с улицы. Мы поднялись на 2-3^ю этаж и зашли в темную переднюю комнату. Мне показалось, что в этом доме - частные квартиры по виду самого дома, но что там было на самом деле, судить не могу.

Из темной передней меня мой сопровождающий ввел в соседнюю небольшую комнату, где был диван, круглый стол и стул.

В комнате я оставался несколько секунд один, после чего вошла, как мне показалось, горничная с подносом: там стояло полбутылки водки и закуска (маслины). Я был очень голоден и съел предложенное, выпив 1-2 рюмки водки.

Тут же открылась дверь и в комнату вошел русский офицер. Внешность его сразу показалась мне знакомой. Это был штабс-капитан Иванов, известный мне по штабу Тифлисского военного округа. Меня он тоже знал. Я сказал ему о причине своего приезда в Константинополь: желание повидаться с семьей. Иванов сообщил мне, что задержан я был на пароходе агентом английской контрразведки как прибывший из советского Тифлиса и добавил, что допрашивать он меня не будет, тем более что я, наверное, ничего интересного для них и не знаю.

Я попросил у него мелочь на пароход, так как хотел в тот же день добраться до о. Халки, где жила моя семья. Он дал мне 1 1/2 лиры. Больше я Иванова не видел.

Вечером того же дня я встретился с семьей на острове Халки.

В Константинополе я пробыл около 8 месяцев.

Причиной длительного пребывания в Константинополе были хлопоты о деньгах от Михаила Михайловича Карповича из Америки и переписка с Ильей Мих. Зданевичем (Париж) о возможности получения французской визы и устройства моего в Париже.

Эти два обстоятельства разрешились в положительном смысле только почти к самому концу моего пребывания в Константинополе.

Долгий срок пребывания в эмигрантском окружении, письма из Парижа от Зданевича - убедили меня в том, что за границу ехать нет интереса. Это свое убеждение я сообщил и своему спутнику Кириллу Зданевичу, в результате чего он уехал в Тифлис, даже не дождавшись меня.

В этот период, зная мое твердое решение вернуться в СССР, брат завербовал меня в агенты английской к. разведки.

После длительной обработки меня в духе неприятия Советской власти, брат повел меня по незнакомому мне адресу (в районе Константинопольского театра), где меня встретил неизвестный мне человек в военной форме (подробностей не помню). Последний спросил меня о том, говорил ли брат Владимир со мною о моей работе в качестве агента английской к. разведки, согласен ли я на это предложение.

Я ответил утвердительно. После этого "неизвестный в военном" добавил, что все необходимые указания я получу от брата Владимира.

Содержание инструкции, полученной мною в дальнейших беседах с братом Владимиром, заключалось в том, чтобы я по возвращении в ССР держал связь с лицами, которые будут встречаться на моем пути от имени английской контрразведки, в своей деятельности руководствовался бы их указаниями и до определенного срока, который мне будет сообщен в свое время, держался границ антисоветской работы в области искусства, избегая работы в областях мне чуждых и незнакомых. Антисоветская работа моя в области искусства должна заключаться в: проведении к. р. идеологии при помощи искусства, во вредительстве на культурном фронте, в создании антисоветских организаций из работников искусства. <...> С этими заданиями я вернулся в ССР.

Иг. Терентьев
4 - II - 1931 г.
Допросил
Ст. Упол. ПК Б. Гринер

3.

Показания обвиняемого

Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, сына б. жандармского полковника, б. офицера.

24 февраля 1931 г.

<...>

С детства воспитанный в монархических убеждениях, в любви к царю и церкви, я до последней минуты не сумел справиться с этими убеждениями, что меня и толкнуло на враждебные действия и борьбу с Советской властью.

Толкнул меня на этот путь брат мой Терентьев Владимир Герасимович, в прошлом офицер и видный контрразведчик врангелевской армии.

В 1922 году в Константинополе, во время моего пребывания там брат после длительных бесед со мною связал меня через лейтенанта (чина точно не знаю) французской армии с французской контрразведкой. Это происходило на частной квартире в Константинополе (против театра рус. балета), куда я пошел вместе со своим братом. В комнате, куда я попал, находились я, брат и лейтенант.

После представления Владимиром меня лейтенанту последний задал мне вопрос о том, информировал ли меня брат о будущей моей к.-р. работе по возвращении в СССР. Я ответил утвердительно. Лейтенант просил подтвердить мое согласие на проведение такой работы. Получив от меня утвердительный ответ, лейтенант сказал, что дальнейшие инструкции я получу от брата Владимира, при этом добавил: "С настоящего момента забудьте о том, что Вы - агент французской контрразведки, и помните, что Вы - советский человек". Беседа с лейтенантом закончилась на том, что он упомянул о деньгах, которые я получу у брата для возвращения в СССР. Суммы он не указывал.

В последовавших за этим разговорах с братом были уточнены все наши

разновременные обсуждения моей будущей к.-р. работы. На меня возлагалось обязательство освоиться возможно глубже с советской действительностью, самому проникнуться мнимо советскими настроениями, чтобы оставаться неузнаваемым, проводя свою к.-р. работу. Конкретно моя работа в СССР должна была свестись к военному шпионажу и вредительству на культурном фронте. Шпионаж должен был заключаться в собирании мною сведений о расположении и численности частей Красной Армии. Вредительство должно было заключаться в проведении антисоветской идеологии в пьесах, построенных на советском материале, но обработанных в к. р. духе режиссерской трактовки. Брат также давал мне задание о работе по созданию к.-р. организации на фронте искусства.

Отчитываться в своей к.-р. работе, а также и передавать сведения шпионского характера я должен был через определенных лиц.

Через тех же лиц, со слов брата, я должен был получать за свою работу денежное вознаграждение. Владимир мне говорил, что размер этого вознаграждения будет зависеть от успешности моей "деятельности". <...>

В Ленинграде я остановился на Фонтанке на квартире у моей тещи Марьи Евгеньевны Пресняковой. По этому адресу я получил письмо от брата Владимира из Америки, где сообщалась фамилия Евреинова для связи по линии француз. контрразведки. Все это изложено было в зашифрованном виде.

25/II 15 ч. 30 м.

Я пошел к Евреинову, кот. жил в то время на Саперном переулке. Евреинов занимался литературно-критической работой по вопросам театра. При встрече с Евреиновым у него на дому между нами наедине произошла длительная беседа о моей к.-р. работе. Суть указаний, кот. я получил от Евреинова, сводилась к тому, чтоб я отошел от литературы к театру, тк кк театр является более массовым видом искусства и, с другой стороны, на этой работе я скорей смогу приобрести широкую

26/II 1 ч.

известность. Он, как режиссер, зная меня по тифлиским моим выступлениям, утверждал, что у меня имеются данные для создания себе прочного положения среди теарботников и на этой основе я смогу развернуть к.-р. работу во всем масштабе. <...>

С Евреиновым я имел 5-6 свиданий там же у него на дому (последнее происходило на улице, вблизи Казанского собора). Все свидания носили характер моей информации о ходе к.-р. работы. В последнюю встречу Евреинов мне сказал (осенью 1924 г.) о том, что он уедет за границу, откуда больше не возвратится. <...>

Показания записаны с моих слов верно и лично мной все прочитаны.

От этих показаний, данных мною в продолжение 2-х дневного допроса, я не отказываюсь и никогда не откажусь, т. к. они отвечают абсолютной действительности и за них я несу полнейшую ответственность. <...>

26/II - 31 г.

Иг. Терентьев

Допросили

Ст. Упол. ПК-ИНФО
оперсектора
(Гринер) Б. Гринер

Упол. ПК ИНФО
ПТУ УССР
(Хаст)

4.

Показания обвиняемого Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, сына жандармского полковника, бывш. офицера.

Во всех моих предыдущих показаниях мною допущена очень существенная неточность, а именно, вместо "английская контрразведка" я всюду писал "французская". Я совершенно точно вспоминаю, что брат Владимир в Константинополе говорил мне об английской контрразведке. Неточность, допущенную мною, объясняю тем, что в течение долгого времени перед арестом моим и в сознании своем привык соединять интервенционную в отношении ССР политику капиталистических стран со словом "Франция", "французский".<...>

13/III - 31 г.

Иг. Терентьев

Допросил

Ст. Упол. ПК Б. Гринер

5.

Показания обвиняемого Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, б. офицера, сына жандармского полковника.

В моих первоначальных показаниях среди многих неточностей имелось упоминание о режиссере Евреинове как лице, бывшем связанным со мною по линии английск. к. разведки. Эта фактическая и логическая неувязка была мною исправлена. Тогда же я (помнится) отметил, что переписки между Пресняковой и братом моим не было (насколько мне известно), а была переписка Пресняковой с Карповичем, ее сыном (братом моей жены и другом моего брата), жившим с 15^м-16^м года в Америке (Нью-Йорк).

Брат иногда приезжал в Нью-Йорк и тогда делал приписки к письмам Карповича. Характер всей этой переписки, по-видимому, был только семейного характера: Преснякова иногда (почти всегда) читала вслух эти письма "от Миши", а я, живя у Пресняковой, их слушал.

Лично я не написал за границу ни одного письма. Так я помню, такова была линия моего поведения в отношении переписки вообще и особенно заграничной.

22/V - 31 г.

Иг. Терентьев

ДОКУМЕНТЫ, касающиеся арестов, заключения и гибели И. Терентьева

Публикуемые документы, связанные с двумя арестами и гибелью Терентьева, взяты из архивных следственных дел Терентьева 1931 и 1937 гг. (последнее - многотомное дело N3693 по обвинению 219 работников и заключенных Дмитлага НКВД СССР); копия свидетельства о его смерти передана для настоящего издания Т. И. Терентьевой.

В деле 1931 г. среди авторов и адресатов служебной переписки, касающейся дальнейшей участи Терентьева, фигурирует Владимир Петрович Затонский, старый революционер, один из руководителей Октябрьского (1917 г.) вооруженного восстания в Киеве, крупный деятель КП(б) Украины. В переписке упоминается известный военачальник Виталий Маркович Примаков, написавший письмо в защиту Терентьева. Само письмо в деле не сохранилось, остался лишь конверт с надписью "Лично. Тов. В. П. Затонскому от Вит. Примакова".

Документы публикуются в хронологическом порядке. Оригинал документа N 8 за 1931 г. не датирован, его расположение в тексте определено по содержанию. Орфография и пунктуация исправлены только в некоторых материалах служебной переписки по делу 1931 г. (NN 4-6, 8). Курсивом выделено написанное от руки или впечатанное.

1931-1932 гг.

1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о начатии следствия, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения)

Гор. Днепропетровск "26" января 1931 г., я, Ст. уполномоченный ПК-ИНФО Рай(гор)отделения Днепр. оперсектора ГПУ УССР Гринер рассмотрев материалы о преступной деятельности гр-на Терентьева Игоря Герасимовича выразившейся в принадлежности к к-р. организации, ставившей себе целью свержение Соввласти и в сношениях в к-р. целях с представит. иностр. державы и, усматривая в означенных деяниях наличие признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 54^з, 54^ш и 54^ш УК У.С.С.Р.

ПОСТАНОВИЛ:

1. На основании ст. ст. 93 п. 2 и 108 УПК, настоящее дело принять к своему производству и начать предварительное следствие.
2. На основании ст. 126 и, руководствуясь ст. 127 УПК, привлечь гр-на Терентьева Игоря Герасимовича по настоящему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54^з, 54^ш и 54^ш УК УССР.
3. На основании ст. ст. 142 и 144 и, руководствуясь ст. ст. 145 и 156 УПК мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия в отношении обвиняемого Терентьева И. Г. избрать содержание под стражей.

Копии настоящего постановления препроводить межрайонному прокурору и начальнику места лишения свободы.

Ст. уполномоченный ПК

Б. Гринер

Согласен Нач. ИНФО

(подпись неразб.)

Утверждаю Нач. сектора

(подпись неразб.)

2.

Выписка из протокола N 111/197

Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР от "22" сентября 1931 года

СЛУШАЛИ

9. Дело N 773/18222

Днепропетровского Оперсектора
ГПУ по обвинению ТЕРЕНТЬЕВА
Игоря Герасимовича, 40 лет

ПОСТАНОВИЛИ

ТЕРЕНТЬЕВА Игоря Герасимовича
заключить в концлагерь, сроком на
ПЯТЬ лет, считая срок с 26/1-31 г.

Дело сдать в архив.

(Подпись неразб.) Печать

3.

У.С.С.Р.
Государственное
Политич. Управление

Днепропетровский
Оперативный Сектор
11/X дня 1931 г.
N 966819
г. Днепропетровск

УСО д. N 1 Лит. "А"
УПРАВЛЕНИЮ СЕВЕРНЫХ ЛАГЕРЕЙ ОГПУ

г. Котласс

КОПИЯ УСО ГПУ УССР г. Харьков

Препровождая выписку из протокола заседания Суд. Тройки при Коллегии ГПУ УССР от 22/IX-31 г. по делу ТЕРЕНТЬЕВА Игоря Герасимовича сообщаем, что таковой убывает в Ваше распоряжение из Днепропетровского ДОПР'а.

Прибытие просим подтвердить.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Выписка, обвинительное заключение и меморандум.

Пом. начальника Д/петровского
оперсектора ГПУ УССР
Начальник УСО

Лея (Лея)
Черняков (Черняков)

4.

Нам стало известно, что один из талантливейших молодых режиссеров-новаторов Игорь Терентьев приговорен к длительной высылке в Котлас.

Полагая, что приговор не имеет в виду лишить его возможности вести весьма ценные теоретические изыскания в области искусства и театроведения в частности, мы просим заменить Котлас каким-либо другим пунктом, ближе расположенным к научным и культурным центрам страны, с тем, чтобы он мог в своей теоретической работе пользоваться всеми необходимыми материалами и пособиями.

Мы убеждены, что он как крупная величина в области искусствоведения сможет принести немалую пользу строящемуся советскому искусству.

Москва, 10 декабря 1931 г.

(Ник. Асеев)	Ник. Асеев
(О. М. Брик)	О. М. Брик
(Л. Кассиль)	Л. Кассиль
(П. Незнамов)	П. Незн
(В. Катаньян)	В. Катан
(С. Кирсанов)	С. Кирс
(В. Жемчужный)	Вит. Жемчуж

Группа членов Л.К.С.М., работавших в последнее время с И. Терентьевым в Днепропетровском Рабочем Театре (Д.Р.Т.):

1. Липкин Ф.	5. Литвиненко Я.
2. Монкевич Б.	6. Куклин Л.
3. Шведак Н. С.	
4. Мельник В. Ф.	

5.

У.С.С.Р.
Государств. Политическое Управление
при
Совете Народных Комиссаров
8 января 1932 г.
N 18/сг
г. Харьков

Сов. Секретно
Только лично

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦКК НК РКИ

тов. ЗАТОНСКОМУ

В связи с ходатайством группы писателей и комсомольцев о режиссере Игоре ТЕРЕНТЬЕВЕ, подлежащем высылке в концлагерь сроком на 5 лет, считаю необходимым сообщить Вам следующее:

Игорь Герасимович ТЕРЕНТЬЕВ - бывш. дворянин, сын жандармского полковника, начальника Екатеринославского губернского жандармского Управления, в прошлом офицер старой армии. Брат его Владимир состоял на службе во врангелевской контрразведке. Оба они (отец и брат) после разгрома белых эмигрировали в Константинополь вместе со всей семьей, где отец и умер.

Сам ТЕРЕНТЬЕВ, Игорь Герасимович, в 1922 году, будучи в Константинополе, через брата Владимира связался с английской контрразведкой в Турции, получил ряд заданий шпионско-разведывательного характера в СССР.

Работая в театре в качестве режиссера, ТЕРЕНТЬЕВ умышленно искажал текст пьес, чрезвычайно тонко трактуя пьесы в антисоветском духе. Систематическое наблюдение за деятельностью ТЕРЕНТЬЕВА дало ряд фактов, свидетельствующих о том, что антисоветская работа ТЕРЕНТЬЕВА в области театра и искусства была не случайной, а систематической. Между прочим, отдельные сигналы об антисоветской деятельности ТЕРЕНТЬЕВА дошли до нас через прессу.

Деятельность театра, руководимого ТЕРЕНТЬЕВЫМ, была обследована специальной партийной комиссией в марте 1931 г., обнаружившей ряд конкретных фактов организации и работы этого театра на антисоветских основаниях и с контрреволюционными целями. В числе подписавших ходатайство о ТЕРЕНТЬЕВЕ имеются комсомольцы ЛИПКИН и МАНКЕВИЧ, которые были нам известны ранее как непосредственные участники в деятельности ТЕРЕНТЬЕВА и горячие сторонники его идей. В частности, МАНКЕВИЧ, группорг ЛКСМУ, председатель Месткома, являлся наиболее горячим сторонником ТЕРЕНТЬЕВА, был по предложению этой комиссии снят за бездеятельность и настойчивое нежелание сойти с позиций своих ошибок.

Из изложенного выше очевидно, что ТЕРЕНТЬЕВ является яркой контрреволюционной фигурой, выслан он совершенно основательно, его местонахождение "ближе к научным и культурным центрам страны", как об этом пишут ходатайствующие, является вовсе нецелесообразным. ТЕРЕНТЬЕВ уже отправлен по месту назначения.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГПУ УССР: Карлсон (КАРЛСОН)

6.

(Резолюция-ответ В. Затонского)

т. Карлсону.

Спасибо за информацию. Очевидно, надо будет предупредить т. Примакова, чтоб был поосторожнее в кругу таких "любителей искусства".

Автографы ходатаев я вам передал - быть может, еще кого-нибудь (кроме уважаемых комсомольцев Липкина и Манкевича) удастся выявить. Кстати, эти господа, видимо, продолжают оставаться в КСМ. Не надо ль их освободить от пут партдисциплины.

28/1 32 В. Затонский

7.

Секретарь
Зам. Председателя
ГПУ УССР

31. I. 32

т. Козельскому.

Дело Терентьева находится в архиве УСО.

Прилагаю Вам подлинное заявление; среди подписавших имена весьма известные.

Когда я прочел К. М. резолюцию т. Затонского - он нашел нужным, чтобы Вы занялись этим делом.

Як. Березнев

8.

ГОЛОВА ЦКК КП/Б/У - НАРКОМ РСІ УСРР

Харьків, Держпром, 7 під'їзд. Тел. 14-54

.....193.....р.

СЛУЖБОВА ЗАПІСКА

Тов. Карлсон

Как-то я вас спрашивал и вы ответили уже насчет некоего Терентьева (режиссер), за которого ходатайствовала группа писателей (в том числе т. Примаков).

Когда я сообщил Примакову о ваших сведениях насчет Терентьева, он подчеркнул то обстоятельство, что происхождение Терентьева (сын жандарма что ли) и его поездка в Константинополь не были секретом - он будто бы сам написал об этом в своем заявлении о приеме в комсомол (или в партию).

Интересно справиться, так ли это.

Если верно, что он сам заявлял, а это было передано в ГПУ как раскрытие, то, может, дело его не такое уж страшное.

Я об этом Терентьеву первый раз услышал, но целый ряд московских писательско-кино-литераторских людей сильно им заинтересован (говорили со мной во время партконференции).

В. Затонский

9.

(Резолюция Секретаря Зам. Председателя ГПУ УССР)

т. Козельскому.

Эта переписка мною направлена Вам. Просьба К. М. - дать т. Затонскому ответ по данным дела (оно в УСО) - чтобы рассеять сомнения.

Я. Бер
10 III 32

1937 г.

1.

УТВЕРЖДАЮ
нач. III отд. Дмитлага
НКВД СССР
Симановский
"26" V 1937 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Гор. Дмитров, МО 1937 г. мая "26" дня. Я Опер. уполномоченный 3 отдела Дмитлага НКВД - РОМШИН рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание, что гр. Терентьев Игорь Герасимович, 1892 г. р., ур. г. Павлограда, Днепропетровск. обл., из дворян, сын бывш. нач. жандармского управления, б. офицер. В 1931 г. осужд. Тр. ПП ОГПУ Днепропетр. об. по ст. 58/10 на 5 л. освобожд. в 33 г. работает Инспектором по агитбригад КВО Дмитлага. достаточно изобличается в том, что является участником к/р террористической организации в Дмитлаге НКВД.

ПОСТАНОВИЛ:

Гр. ТЕРЕНТЬЕВА И. Г. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58/8, 11 УК мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Опер. уполномоченный
"Согласен" Нач. I отдела. III отдела
Мл. лейтенант Госуд. Безоп.

Ромшин (Ромшин)

Пономарев (Пономарев)

2.

Секретно

СПРАВКА

Приговор о расстреле Терентьева Игоря Герасимовича приведен в исполнение в гор. Москве "17" июня 1937 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 5 лист № 12.

Нач. 12 отд-я 1 спецотдела НКВД СССР
лейтенант госбезопасности

(Шевелев)

И. Г. Терентьев, не ранее 1934 г.

На обороте: фото из следственного дела И. Г. Терентьева, 1937 г.

1959 г.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Ц-А № 274848

Гр. ч

Перентьев
(ф. и. о.)
Игорь Герасимович
(ф. и. о. отчества)

умер (ла) 23/2-1941 двадцать третьего октября
тысяча девятьсот сорок первого года
(число, месяц и число)

возраст 49 лет
(число лет)

Причина смерти удавок сердечной деятельности

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1946 года марта месяца 11 числа

произведена соответствующая запись за № 62

Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край,
республика _____

Место регистрации: Московская область
(наименование)

Дмитров Горюхо ЗЯЭС
(наименование)

Дата выдачи 24 января 1959 г.
(число, месяц и год)

Заведующий бюро записей актов
гражданского состояния

Шинин

Г. о. знак. 1646.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ

жизни и деятельности И. Терентьева

- 1892 Родился 17 января в г. Павлограде Екатеринославской губернии в дворянской семье.
- 1902 Семья Терентьева переезжает в г. Харьков.
- 1910 Оканчивает 3-ю харьковскую гимназию и поступает на юридический факультет Харьковского университета.
- 1912 Переводится на юридический факультет Московского университета.
- 1914 или 1915 Оканчивает университет.
- 1915 или 1916 Женится на Н. М. Карпович. Обучается в военном училище ускоренного выпуска в г. Тифлисе.
- 1916 Служит в Управлении военных сообщений Кавказского фронта в Тифлисе в чине подпоручика. Рождается дочь Татьяна.
- 1917 Некоторое время активно занимается политикой, избирается председателем краевого съезда кавказских железнодорожных войск и председателем дивизионного комитета.

1918 Первые найденные упоминания в прессе о Терентьеве как футуристе. Участвует в выставке картин и рисунков московских футуристов. Вступает в группу футуристов-заумников "41°". Увольняется из армии в запас. Выступает на диспутах и литературных вечерах, впервые публикует свои стихи.

1919 Служит актером в небольшом театре, играя в фарсах и опереттах. Активно участвует в деятельности "41°", издает 2 книги стихов и 3 книги теории, публикует стихи в коллективном сборнике, стихи и статьи в периодике. Много выступает с теоретическими докладами и чтением стихов, занимается организацией нового театра в Тифлисе (планы не осуществляются).

1920 Издает свой "Трактат о сплошном неприличии", вступает в Академию стиха, участвует в художественных выставках.

1921 Вступает в Союз русских писателей в Грузии, работает художником в "Грукавроста", ведет театральную работу в Красной армии.

1922 В начале года вместе с художником К. Зданевичем отправляется в Константинополь, где находится до августа. По возвращении работает конферансье в одном из тифлисских кабачков.

1923 Служит в Бакинском отделении Внешторга в должности секретаря. Переезжает в Москву, сотрудничает в журналах "ЛЕФ" и "Крысолов". Переезжает в Петроград, где начинает работать в возглавляемом К. Малевичем Музее художественной культуры, занимаясь проблемами фонологии и заумью. Ставит на сцене "Трактат о сплошном неприличии", участвует в диспутах о новом искусстве, читает лекции.

1924 Пишет заумную трагедию "Жордано Бруно", выступает на диспутах, осуществляет постановку "Снегурочки" А. Н. Островского в пародийной интерпретации. Участвует в организации Красного театра и ставит в нем свою пьесу "Джон Рид" (2 редакции).

1925 Ставит политический фарс В. Вознесенского "Необходимость", готовит проект постановки "Войны и мира" Л. Н. Толстого (в одном из вариантов - пьесы "Ясная поляна").

1926 Создает экспериментальный Театр Дома печати. Ставит на его сцене пьесу В. Андреева "Фокстрот" (вскоре запрещена), собственную пьесу "Узелок" и оперу "Джон Рид". Проводит репетиции инсценировки "Войны и мира" (работа не завершена), публикует статьи о театре в журнале "Жизнь искусства".

1927 Демонстрирует на сцене Театра Дома печати свою заумную интерпретацию

“Ревизора” Н. В. Гоголя, пишет брошюру об этой постановке. Издает отдельной книгой в Государственном издательстве пьесу “Джон Рид”.

1928

Осуществляет постановку “Натали Тарповой” (по роману С. Семенова) и новой версии своего “Ревизора”. После ареста директора Дома печати Н. П. Баскакова и временного закрытия самого Дома печати гастролирует с труппой своего театра в Москве в театре им. Мейерхольда. С частью труппы безуспешно пытается организовать новый театр в Москве. Ставит оперетту “Луна-парк” (В. Ардова и Н. Стрельникова) в Московском театре оперетты. Готовит план постановки пьесы С. Третьякова “Хочу ребенка” (не осуществлена). Сотрудничает в журнале “Новый Леф”, публикует стихи в книге А. Крученых “Литературные шушу/т/ки”.

1929

Переезжает в Харьков, возобновляет там (а также в г. Луганске) оперетту “Луна-парк”. Сотрудничает в журнале “Нова Генерація”. Организует украинский передвижной театр “СОЗ”, который ведет подготовительную работу в г. Павлограде. Ставит спектакль “Мина Мазайло” по пьесе М. Кулиша в Макеевке, затем в Херсоне. В Херсоне впервые показывает спектакль “Инкогнито” (переделка ленинградского “Ревизора”). Гастролирует с этими спектаклями в г. Виннице. Ставит в одесском Театре им. Революции спектакль “Чудак”

(по А. Афиногенову), премьера которого проходит в начале следующего года.

1930

Переезжает в Днепропетровск, где через некоторое время становится главным режиссером Театра им. Шевченко. Ставит там “Выстрел” А. Безыменского. Организует Днепропетровский государственный рабочий театр, на сцене которого осуществляет постановку инсценировки романа И. Ле “Межгорье”. Готовит постановку спектакля “СО₂” (не завершена).

1931

В январе по политическому обвинению подвергается аресту и предварительному тюремному заключению. После восьмимесячного содержания в днепропетровском ДОПРе по приговору тройки направляется в г. Котлас, затем на Беломорско-Балтийский канал.

1932

Является руководителем театральной агитбригады из заключенных на строительстве канала. Пишет стихи, сочиняет сцены и номера для выступлений агитбригады. Публикуется в лагерной периодике.

1933

Ставит силами агитбригады пьесу о жизни уголовного мира “Шалман”. Досрочно освобождается из лагеря с почетными документами ББВП и переводится на строительство канала Москва-Волга в качестве руководителя центральной

агитбригады Дмитровского лагеря НКВД.

1935

Едет в г. Керчь для съемок художественного фильма "Восстание камней" по переработанному им сценарию И. Овчаренко (фильм на экраны не вышел).

1936

Пишет либретто киносценария музыкального фильма по "Евгению Онегину". Возвращается на Мосволгострой, возобновляет работу в центральной агитбригаде. Готовится к постановке спектакля "Волга впадает в Москву" в московском Театре народного творчества (не осуществлена).

1937

Репетирует в агитбригаде свою пьесу "Быть" о строительстве канала (работа не завершена). Ставит сцены по произведениям А. С. Пушкина. 28 мая в Дмитрове его арестовывает НКВД по обвинению в подготовке покушений на вождей партии и правительства. Расстрелян 17 июня в Бутырской тюрьме в Москве.

КНИГИ И. ТЕРЕНТЬЕВА

А. КРУЧЕНЫХ ГРАНДИОЗАРЬ. Тифлис, 1919

ХЕРУВИМЫ СВИСТЯТ. Тифлис, 1919

17 ЕРУНДОВЫХ ОРУДИЙ. Тифлис, 1919

ФАКТ. Тифлис, 1919

РЕКОРД НЕЖНОСТИ. Житие Ильи Зданевича. Тифлис, 1919

ТРАКТАТ О СПЛОШНОМ НЕПРИЛИЧИИ. Тифлис, 1920

ДЖОН РИД. Пьеса в четырех действиях. М. - Л., 1927

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Bologna, 1988

UN RECORD DE TENDRESSE. Рекорд нежности. Paris, 1992

410

ИЗДАНИЯ "ГИЛЕИ"

●
МАЛЕВИЧ. ПО ЛЕСТНИЦЕ ПОЗНАНИЯ

●
КРУЧЕНЫХ. КУКИШ ПРОШЛЯКАМ

●
ЕГОР РАДОВ. ЗМЕЕСОС

●
ВВЕДЕНСКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

"ГИЛЕЯ"

**Книгоиздательство и магазин
119841, Москва, ул. Знаменка, 10.
тел. 2911309**

“БИБЛИОТЕКА СЕРГЕЯ КУДРЯВЦЕВА”

●
И.ТЕРЕНТЬЕВ. МОИ ПОХОРОНЫ

●
**П.СМИРНОВ.
БУДУИНСКИЕ ХОЛМЫ**

●
КРУЧЕНЫХИАДА

**Издания не повторяются,
тираж каждой книги ограничен.**

**“ГИЛЕЯ”
Книгоиздательство и магазин
119841, Москва, ул. Знаменка, 10.
тел.2911309.**